
Анастасия
Пиляева
Хроники
таверны
«Три котелка»

Анастасия Пиляева

Хроники таверны «Три котелка»

«Эксмо»
2026

Пиляева А.

Хроники таверны «Три котелка» / А. Пиляева — «Эксмо», 2026

Добро пожаловать в «Три Котелка». Здесь хозяйка Илэйн Рид готовит лучшие пирожные в городе, пряча прошлое, за которое могли бы сжечь на костре. Ее постоянные клиенты — светлый маг-инквизитор, темный маг, который уже знает ее секрет, и чересчур драматичная банши. Уютная жизнь заканчивается там, где начинается охота за ее головой. Только за свой новый дом и найденную семью хозяйка таверны готова не просто драться — она готова напомнить миру, за что ее когда-то боялись целые королевства.

© Пиляева А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1: Первая ночь и наглый зайчик 5
Глава 2: Наблюдения из угла 10
Глава 3: Цена милосердия 12
Глава 4: Ночной визит 13
Глава 5: Неугодный алмаз 15
Глава 6: Город, который забывает 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Анастасия Пиляева
Хроники таверны «Три котелка»

Глава 1: Первая ночь и наглый зайчик

Ненавижу первые ночи на новом месте, особенно когда твой матрас еще в дороге, а личная банши уже впала в спячку, как сурок.

Я лежала не в постели, а на голом полу, укрывшись дорожным плащом, и пристально смотрела в потолок, где танцевали тени от заходящей луны. Спальня наверху казалась слишком большой, слишком пустой. А здесь, за массивной стойкой, я чувствовала себя… почти как дома, если домом можно назвать лачугу, купленную на последние украденные у самой себя золотые.

Тишину разрезал скрип ставней. Не ветер – чья-то рука.

– Тьма! Уже в первую ночь.

Я не шевельнулась, лишь прикрыла глаза и коснулась медальона на груди.

– Эолириэллиандра, ты меня слышишь?

Из медальона донесся недовольный шепот, похожий на шелест мертвых листьев:

– Слышу. И вижу. Двое. Пахнут дешевым вином и большими амбициями. Надо было нанять стражу, а не будить меня! Я не сторожевая собака, я Вестница…

– Просто напугай их, – мысленно прервала я ее. – Сделай так, чтобы они никогда больше не захотели сюда соваться.

Наступила пауза, я почувствовала, как в медальоне копится энергия, та самая, что когда-то сводила с ума целые армии. И тогда на всю округу, разрывая ночную тьму, прозвучало не пронзительное предсмертное завывание, а… крик диктора на городском рынке.

– ВНИМАНИЕ! НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ! – прогремел голос Лиры, от которого задребезжали стекла в буфете. – В ЛУЧШУЮ ТАВЕРНУ ГОРОДА! ПОВТОРЯЮ, ТАВЕРНУ С ЛУЧШИМИ ЖАРЕНЫМИ ПЕРЕПЕЛКАМИ И ВОСХИТИТЕЛЬНЫМИ ПИРОЖНЫМИ – ГРАБЯТ! АДРЕС: УЛИЦА СТРАЖНИКОВ, 13! СПЕШИТЕ НАПУГАТЬ ГРАБИТЕЛЕЙ И ПОПРОБОВАТЬ НАШ НОВЫЙ ЭЛЬ!

Я замерла, не в силах пошевелиться от смешанного чувства ужаса и дикого смеха. Вот тьма. Вот что значит навечно привязать к себе банши, не дочитав инструкцию. Теперь у меня не охранная сигнализация, а ходячая (точнее, кричащая) рекламная акция. Снаружи послышался испуганный визг и топот убегающих ног…

Я лежала на полу, прислушиваясь к затихающему хаосу на улице. Первая мысль: хоть бы стражу не подняли. Вторая: и как теперь спать, если мы устроили такой цирк на весь квартал?

Взгляд скользнул по залу, выхватывая знакомые детали. Вот та щербина на полу – от ее же чемодана в первый день. А там, над дверью, висела вывеска, которую она прибивала сама, с горькой усмешкой…

Два дня назад

…Я стояла перед свежевыструганной доской с надписью «Три котелка». Молоток в руке казался тяжелее любого магического жезла.

«Пусть думают, что я чудаковатая хозяйка, – подумала я, забивая первый гвоздь. – Никто не догадается, что один котелок был для любовного зелья, второй – для яда, а третий…»

Я замолчала, давая последнему гвоздю войти в дерево с тихим стуком.

«Третий пока свободен. Для чего-то нового».

Щелчок пальцев – и стулья послушно поползли под столы, будто стадо пристыженных овец. Взмах руки – и осколки разбитой по дороге бутыли собрались в аккуратную кучку. Бытовая магия. Великая мощь для прибирания хлама и придания дому вида «здесь все под контролем».

Я смотрела на свое новое царство, пахнущее пылью, краской и… одиночеством. От этой мысли стало не страшно, а тошно. «Спокойная жизнь» начиналась. И пахла она затхлостью.

Из медальона на моей груди донесся довольный скрип, возвращая меня в зал, который теперь пах страхом и адреналином.

– Ну так у нас и была цель привлечь клиентов! – невозмутимо пропела банши. – Реклама, милая, двигатель торговли.

Я прикрыла глаза, чувствуя, как по лицу расползается гримаса, средняя между ужасом и диким смехом.

– Лир… это был не клиент. Это был грабитель. Двое.

– Разница? – проскрипела банши с неподдельным интересом. – И те, и другие приносят деньги. Одни – в обмен на товар, другие… в обмен на свою глупость. Я считаю, мы отлично начали!

Вот тогда я и поняла. Окончательно и бесповоротно.

Моя новая, спокойная жизнь закончилась, даже не начавшись. И – вот черт – почему-то это чувство было не таким уж и пугающим. Может, потому что с тошнотворным «спокойствием» этих двух дней было уже покончено.

Утро

Уже через несколько часов сквозь кристально чистые окна таверны «Три котелка» било нагло-беззаботное утреннее солнце. Я как раз вытирала стойку, с наслаждением придумывая для Лиры новые изощренные способы наказания, когда колокольчик на двери известил о первом посетителе.

В дверях стоял молодой парень, наверное, только закончивший академию. Он выглядел усталым, но на его лице играла настойчивая, почти одержимая улыбка.

– Доброе утро, – его жизнерадостный голос резанул по моим усталым нервам. – Это здесь вчера… ну, такое было представление?

Тут взгляд упал на его запястье. Браслет.

Тот самый, инквизиторский артефакт поиска. И он пульсировал – слабым, но неумолимым светом, прямо в мою сторону. Под лопаткой, на старом шраме в виде звезды, резко и жгуче проснулась боль – глухой отзвук того самого клинка. Вот тьма. Вот так все и закончится. Не на костре, а здесь, у собственной стойки. Мурашки побежали по спине ледяными иглами.

– Представление отменили, остались только перепелки и пирожные. Будете заказывать?

– Ээ, да, конечно, – он смутился, но не ушел. – А у вас мило и тихо, мне как раз не хватало такого места, – улыбнулся он так заразительно, что хотелось тоже улыбаться, несмотря на напряжение.

Он заметил, как я смотрю на его браслет! Тьма, трижды тьма! Так, я натираю бокалы, и мне все равно, что там у него пульсирует на руке.

Парень смущенно прикрыл браслет рукой, словно школьник.

– Простите, он не всегда так себя ведет. Только рядом с чем-то по-настоящему сильным, вы случайно не колдунья? – спросил он с наивным любопытством.

Я фыркнула так естественно, что сама себе поверила. Конечно, так я ему и сказала, что я темная ведьма с разрушительной силой и ем детей на обед.

– Я колдую над пирогами, чтобы тесто не подгорело, – сказала я, голос ровный, как лезвие. – Ваш артефакт, наверное, на крысиный яд в подвале среагировал. Или на мою старую точилку для ножей. В ней, говорят, есть темный металл.

– Нет-нет, он только на темную магию! – С жаром начал он объяснять, и глаза загорелись наивным фанатизмом, от которого стало тошно. – Я ищу одну ведьму. Очень опасную! Она скрывается, а мой браслет поймал ее след месяц назад где-то здесь, в районе Заводи, но потом все… пропало…

И вот он, момент. Незнакомец разложил передо мной карту, начал показывать маршруты, с энтузиазмом рассказывая о своей миссии.

– …и вот здесь след был самым сильным. Меня, кстати, Ориан зовут. Ориан Эйтерн. А вы?

Я взяла со стойки второй бокал и принялась протирать его с особой тщательностью.

– Илэйн. Просто Илэйн. – я кивнула в сторону кухни. – А ваша ведьма, наверное, уже далеко. Умные ведьмы не сидят на месте.

Через несколько дней

Кучу дырявых котелков мне в подвал! Опять он завалился мне на стойку и сейчас будет жаловаться. Может, подговорить знакомых ведьм, пусть изображают зло воплоти, то бишь меня в прошлом…? Он быстренько наставит их на путь истинный и прекратит размазывать сопли по моему рабочему месту. Он же парень неплохой, просто, видимо, не может отойти от своей программы по улучшению всего недостаточно светлого, но как же бесит!

– Чего будете заказывать сегодня?

– Может, просто поговорим? Я уже объездил все лавки черных ведьм, но мой браслет поиска на них не откликается, но ведь он уловил ее месяц назад!

– Слушай, золотце, на двери вроде нет вывески «Психологическая помощь запутавшимся героям» (или кто-то пошутил, после закрытия проверю-ка). Заказывай что-то или освободи место!

– Да-да, конечно, мне твой фирменный тонизирующий отвар и те вкусные пирожные, которыми ты угощала в день открытия!

Тьма! Надо было угощать чем-то похуже, нет же, решила выпендриться, посмотрите, я умею не только яды варить! Так собралась, улыбаемся и проявляем сочувствие, все же пару монет он мне принес.

– Эй, красавчик, может, тебе просто начать терроризировать, то есть искать кого-то другого?

Да, от привычки ругаться по-ведьмински надо бы избавляться, как там ругаются светлые? Солнечный луч мне в сапог? Сорняков в огород? Пуд соли в тушенку? Песок в сандалии? Да уж, надо бы подслушать хоть кого-то.

Звякнул колокольчик на двери. *Ох, демоны. Сегодняшний день официально признан самым провальным на этой неделе. Опять маг?*

Но нет. Не «опять». Воздух в зале не дрогнул от свежей, навязчивой чистоты света. Он… *сгустился*. Стал тяжелым, как бархат перед грозой. В солнечном сплетении екнуло – не болью, а низким, тревожным резонансом. *Темный. Медом им тут намазано?* – промелькнула истеричная мысль. Светлые – это беда. Но темные… Это катастрофа. Мы чувствуем друг друга не через артефакты, а прямо, кожей, как мелкий темный огонек в глубине живота. И кажется, он уже заметил мой.

– Здравствуй, хозяйка, – раздался бархатный, насмешливый голос. – Какое темное сегодня утро, не считаешь?

Говорит и ухмыляется, гоблин его побери!

Со стороны Ориана послышалось недоуменное ворчание – солнечное же утро было, совсем эти темные по сторонам не смотрят.

– Вам показалось, дорогой, наверно, вы шляетесь, ой, выходите из дома еще до восхода, вот и кажется, что темное! – отвечаю почти со скрежетом в зубах.

– Ох, простите, – темный маг сделал театральный жест рукой, и тени в углу зала дрогнули, будто приветствуя хозяина. – Пока всех зомби обойдешь – и не заметишь, как ночь прошла. Ну, вы понимаете.

Опять ухмыляется, бесов сын! Меня же так раскроют!

– Так как зовут этот светлый лучик солнца в нашем темном городишке?

– Так ты в первый раз? Это же новая хозяйка Илэйн, я уже неделю тут завтракаю самыми замечательными пирожными в городе, тебе тоже стоит попробовать, может, станешь чуть добрее, Кайдэн.

Так вот как его зовут. Кайдэн. Он медленно обернулся на свое имя – плавно, будто у него на это было все время в мире. И я впервые увидела его лицо полностью.

Острые скулы, будто высеченные из гранита. Губы с постоянным насмешливым изгибом, словно знающие какую-то пошлую шутку про все на свете. И глаза… Цвета застывшего дыма над углями. Не серые, нет. Серые бывают тусклыми. Эти – горели изнутри холодным, оценивающим пламенем. В них читалось: *«Я тебя вижу. Вижу насквозь. И мне интересно, сколько времени пройдет, прежде чем ты это поймешь»*.

Опасный. Безумно притягательный. Как обрыв над пропастью, куда так хочется заглянуть, чтобы почувствовать головокружительный ужас падения. И я уже чувствовала, как почва уходит из-под ног.

– Пирожные – это замечательно, но мне бы чего-нибудь покрепче и посытнее, милая.

Ну настоящий наглый котяра!

– Покрепче только для вас позавчерашние пирожные! Кушайте, зубы не сломайте!

Кайдэн рассмеялся – тихо, беззвучно, только плечи вздрогнули. Но тени под его стулом зашевелились.

– Что ж, – сказал он, подходя к стойке. Его движения были плавными, как у крупного хищника, который знает, что добыча никуда не денется. – Позавчерашние, так позавчерашние. Но с одним условием: вы мне их подадите лично. А то вдруг от злости чего лишнего в тесто подсыпете. Я, знаете ли, очень чувствителен к ядам. Особенно к тем, что пахнут… страхом и старыми секретами.

Поздний вечер, на следующий день

В таверне царила приятная вечерняя усталость. Последние посетители допивали свои кружки, а я, стоя за стойкой, подсчитывала выручку. Я почувствовала его раньше, чем увидела, – легкое движение воздуха и едва уловимый аромат свежей травы и чего-то пряного.

– Надеюсь, в твоей кассе достаточно, чтобы оплатить мои моральные страдания от тех пирожных, – раздался за спиной низкий, насмешливый голос.

Я не обернулась, продолжая пересчитывать монеты.

– Для страданий, вызванных моей выпечкой, у меня есть специальный фонд. Он состоит из одного медяка. И он твой. – Я наконец посмотрела на него. Кайдэн стоял, облокотившись о стойку, с тем самым раздражающе-привлекательным выражением лица, которое хотелось то ли стереть с него, то ли… Нет, только стереть!

Он мягко вынул из моих пальцев монету, которую я как раз собиралась положить в кучку.

– Приберегу на память. Как доказательство твоей жестокости, – он спрятал монету, а его взгляд скользнул по моему лицу, выискивая трещину в броне. – Ну что, как поживает твой личный светлый зайчик? Все еще ищет под столами злую ведьму?

– Он не мой. И он не ищет ее здесь, – беру тряпку, чтобы протереть стойку, давая себе занятие для рук. – А ты что ищешь, Кайдэн? Кроме приключений на свою… ну, ты знаешь.

Он рассмеялся тихим, теплым смехом, который совсем не вязался с его репутацией.

– О, я уже нашел. Нашел нечто куда более интересное, чем приключения. Нашел загадку. – Он наклонился чуть ближе через стойку, понизив голос до шепота. – Беглая темная ведьмочка, что заперла свою силу на семь замков и играет в официантку. Которая варит отвар, от которого у светлых магов теплеет на душе, и при этом изводит их темных коллег позавчерашней выпечкой. Это ход, достойный гения. Так кто ты, Илэйн?

Он смотрел на меня. И это был не просто взгляд – это было вскрытие. Под привычной маской насмешки в его глазах горел неподдельный, острый интерес. Он не хотел разоблачить. Он хотел разобрать на части, чтобы понять, как я устроена. От этого становилось жарко и холодно одновременно.

– Я – хозяйка, которой завтра рано вставать, – попыталась парировать я, стараясь вложить в голос сталь. – А ты мешаешь закрываться.

Но где-то на полпути сталь дала трещину, и сквозь нее просочилась усталость. Голая, неприкрытая, знакомая до тошноты. И он ее услышал.

Кайдэн выпрямился, и весь его вид изменился. Исчезла развязность, растворилась театральность. Он стал… собранным. Опасным по-новому – не как хищник, а как исследователь, нашедший уникальный и ядовитый образец.

– Скажи одно, – его голос стал тихим, почти интимным, без единой нотки насмешки. – Тебе правда нравится эта… игра в нормальность? Подавать эль, улыбаться идиотам и делать вид, что внутри тебя не бушует та самая сила, что может…

Он сознательно оборвал фразу, лишь многозначительно приподняв бровь. *«Может что? Спалить полкоролевства? Свести с ума армию? Превратить этот городишко в пепел?»* – досказала я про себя. Он ждал. Не ответа – признания.

Повисла тишина, густая и тяжелая, как смола. Это не был флирт. Это был вызов. Прямой, безоружный, в самое сердце. В ту самую суть, которую я так тщательно хоронила под слоями праведной хозяйки, горькой ведьмы и просто уставшей женщины.

Я замолчала. Сердце колотилось где-то в горле, сжимая его.

– Закрываемся, – наконец выдавила я, ловя его беспощадный взгляд. Голос звучал тверже, чем я чувствовала. – И нет. Не нравится. Но это мой выбор.

На его губах снова дрогнула ухмылка. Но на сей раз в ней не было насмешки. Было что-то другое. Уважение. И это было почти страшнее.

– Что ж… По крайней мере, ты не скучная, – произнес он, и в голосе снова зазвучали знакомые нотки. – Это уже многое меняет. До следующего раза, хозяйка.

И он вышел, растворившись в сгущавшихся сумерках, будто и не было его.

Дверь закрылась с тихим щелчком. Я осталась одна в тишине пустого зала, и только сейчас до меня дошло, чем закончилась эта партия.

Он не просто зашел выпить. Он провел разведку боем. И ушел, оставив меня наедине с одним неприятным, леденящим осознанием:

Этот темный маг видел меня насквозь. Глубже, чем кто-либо за все эти годы бегства. И теперь игра началась по-настоящему. А я даже не знала правил.

Глава 2: Наблюдения из угла

Кайдэн Блэкторн

Она не просто работала. Она вела войну.

Я наблюдал из своего угла, как Илэйн – хозяйка этого убогого, пахнущего пирогами и отчаянием заведения – сражалась с хаосом. Каждое движение за стойкой было точным, почти болезненно выверенным. Она вытирала столы так, будто стирала с них не только грязь, но и память. Разливала эль с концентрацией алхимика, смешивающего яд. И все это – под непрерывный скрипучий саундтрек банши в медальоне на ее груди.

«Илэйн, этот клиент испортил ауру всего зала своим унынием! Требую компенсации в виде слезы отчаяния!»

«Заткнись, Лир. Или я найду тебе дуэт – ипохондрика и плохо настроенную лютню».

Да. Вот это уже интересно.

Ориан, светлый щенок у окна, пялился на нее с тем выражением, которое у его братии колеблется между «подозреваю ересь» и «ах, какая загадочная душа». Бедняга. Он искал монстра, а нашел женщину, которая, судя по всему, монстров пережила. И теперь донимала свою личную банши вместо того, чтобы сеять хаос. Ирония.

Но дело было не только в иронии. Дело было в напряжении.

Оно висело на ней, как второй плащ. В том, как ее плечи неестественно прямые, будто ждут удара сзади. Как взгляд скользит по окнам, проверяя выходы. Как пальцы на долю секунды замирают на ручке крана, будто прислушиваясь к чему-то за стенами шума таверны.

Она не просто скрывалась. Она выживала. И делала это с упрямством, достойным лучшего применения.

Мой интерес из праздного стал… профессиональным. Нет, не так. Родственным.

Я знал это напряжение. Знаком был вкус постоянной готовности к удару. Разница лишь в том, что я свой давно превратил в броню, в игру, в насмешку. А она носила свое как открытую рану, прикрытую фартуком.

Она пыталась достать бутыль с верхней полки. Слишком высоко. Она встала на цыпочки, и платье натянулось на напряженных мышцах спины. На мгновение ее щеку осветил луч света, и я увидел бледный, едва заметный шрам, уходящий за воротник. Старый. Аккуратно зашитый.

Инстинкт, глупый и не свойственный мне, шевельнулся раньше мысли. Я уже стоял рядом, снимая бутылку до того, как она успела вздохнуть от досады.

Она замерла. Не обернулась. Просто замерла, чувствуя чужое присутствие в своем личном пространстве.

– Позвольте, – сказал я нейтрально.

Только тогда она повернула голову. Ее глаза – зеленые, как лесная чаща перед грозой – встретились с моими. В них не было ни благодарности, ни страха. Была холодная, чистая оценка. Она взвешивала меня. Как угрозу. Как помеху. Как переменную в своем уравнении выживания.

– Я бы справилась, – ее голос был низким, ровным. Без колебаний.

– Не сомневаюсь, – ответил я так же ровно. – Но зачем тратить силы на бутылку, когда их может не хватить на что-то важное?

Ее веки дрогнули. Она поняла. Поняла, что я вижу не просто хозяйку, тянущуюся за вином. Поняла, что я говорю не о физических силах.

– Моих сил хватит, – сказала она, выхватывая бутылку. Ее пальцы на мгновение коснулись моих. Холодные. – И на бутылку, и на то, чтобы вышвырнуть навязчивых зрителей через окно.

– Через которое? – я кивнул на ближайшее, крошечное. – Вряд ли я пролезу. Придется ломать раму. А вы, кажется, не любите лишний шум и разрушения.

На ее губах – о чудо – дрогнуло нечто, отдаленно напоминающее усмешку. Горькую. Уставшую.

– Есть задняя дверь. И мусорная яма. Очень глубокая.

– Соблазнительно, – я сделал шаг назад, давая ей пространство. – Но я еще не допил свой эль. И не закончил наблюдения.

– Наблюдайте, – бросила она через плечо, уже отходя. – Только платите. Наблюдения – не бесплатный вид деятельности.

Я вернулся в свой угол. Улыбка, которая медленно расползалась по моему лицу, не была ни победоносной, ни насмешливой. Она была… признательной.

Она не играла. Не кокетничала. Она охраняла. Свою территорию. Свое право на эту жалкую пародию на спокойствие. И делала это с такой яростью и такой уязвимостью одновременно, что это было почти неприлично честно.

Я пришел в Заводь за тишиной. Нашел не тишину, а молчание. Тяжелое, настороженное, полное невысказанных историй. И его хранительницу.

Игра, если это была игра, только начиналась. Но призом была не она. Призом было понимание. Понимание того, что в этом мире есть еще кто-то, кто носит свою боль не как украшение, а как доспехи. И, возможно, именно поэтому ее пироги такие чертовски хороши.

Ведь они выпечены из упрямства. А это – самый выносливый ингредиент из всех. И самый бесполезный, если за тобой уже пришли.

Я допил эль, ощущая на языке горьковатое послевкусие своего решения. Останусь. Ненадолго. Просто посмотрю, как долго продержится этот хрупкий мирок, построенный на лжи и отчаянии. И, возможно, отгоню пару ворон, пока хозяйка не видит. Не из великодушия. Просто… надоело смотреть, как гаснут одинокие огни. В последний раз это кончилось слишком тихо.

Глава 3: Цена милосердия

Шрам на лопатке снова ныл. Тупая, назойливая боль, как зуб, в который попала холодная вода. Особенно по ночам, в тишине. Сегодня он болел так, будто хотел выжечь на коже девиз: «Не забывай». Я прижалась лбом к прохладной стене. Ладно, не забываю. Вспоминаю. Ту самую девочку, ту самую ошибку, ту самую боль, которая научила меня, что добро – это роскошь, которая ведьмам не положена.

У ведьм были непростые отношения с другими магами в этом мире, почему-то их не любили. Да, характер непростой, да любим пакостить, но это черта всех женщин, особенно в юном возрасте. Первая любовь, первое разочарование, первый неверный выбор. Отомстила, еще раз отомстила, отомстила, чтобы не забыли, и тогда уж пошла дальше, так нас учили в магистериуме. Но жизни Илэйн никогда не вредила, да у нее был огромный магический источник, который просто кричал об опасности, но это не делало ее злой. Но у всего есть точка невозврата, последнее ее столкновение со светлой инквизицией оставило шрам на лопатке в виде звезды. Он не удалялся никакими мазями и заклинаниями и не давал забыть, что она испытала тогда, когда решила навсегда скрыть себя с радаров поисковых артефактов.

Тогда она еще не скрывалась и искренне хотела помогать нуждающимся. Но магия пугает простых людей, она не всегда приятна. К ее порогу привели девочку. Лошадь скинула, рука торчала под неестественным углом, по лицу струилась кровь, смешанная со слезами.

– Помогите, ведьмочка, умоляем! – голос матери был обрывистым, полным отчаяния.

Кто бы тут отказал? Ее магия, темная и обволакивающая, уже тянулась к ребенку сама, жадно и нежно. Не та сила, что сводила с ума армии, а ее обратная сторона – густая, живая тьма, способная сшить порванную плоть и погасить жар. Я чувствовала, как кости под моими пальцами встают на место с тихим щелчком, а лихорадочный румянец на щеках девочки спадает, словно ее окунули в прохладную тень. И тут завыла соседка, не заплакала, а именно завыла, дико и истерично:

– Демона вгоняет в дитя! Смотрите, глаза темные от скверны!

Какой бред! Ну какой взрослый демон согласился бы на тело ребенка, но простой народ было уже не остановить! Те, что только что умоляли о помощи, смотрели теперь с ужасом и ненавистью. Ее оттащили от ребенка, она просила дать ей доделать свою работу и помочь бедной девочке! Но уже открывались порталы инквизиторов, и на руках защелкнулись антимагические браслеты. Ее без слов забрали в подземелья, где держали преступников.

Ее не били, с ней разговаривали, спокойные ледяные голоса спрашивали о злодеяниях, но как признаться в том, чего никогда не делала? И тут вошел он, верховный инквизитор империи.

– Такие как ты не должны существовать в нашем мире! Вы несете тьму и скверну в наш мир. Твое сознание окутано темной магией, и я должен это исправить.

Она не увидела клинка. Только ослепительную, обжигающе-холодную боль в плече, когда лезвие из чистого света вошло в ее плечо. Это не было похоже на обычную рану, Илэйн чувствовала, как из нее утекает магия, в глаза мутнело и сознание покидало ее. Она хотела поскорее потерять сознание, чтобы это все прекратилось.

И тут сработал аварийный портал, их выдавали всем ведьмочкам после окончания магистериума, чтобы при опасности жизни к ним перемещалась ближайшая сильная ведьма. К ее восхищению из мерцающего темного портала вышла Верховная.

– Лорд Солэрус? Что здесь происходит и почему в плече моей лучшей ученицы твой клинок?

Дальше она не слышала, потому что провалилась в спасительное беспамятство. Очнулась в светлом кабинете Магистериума на мягком диване, рядом дымился знакомый тонизирующий отвар. Она спасена и больше никогда не попадется.

Глава 4: Ночной визит

Место: Кабинет Верховной Ведьмы Морвенны в Магистериуме. Ночь. Сразу после спасения Илэйн

Ледяная ярость, скрытая под маской невозмутимости.

Воздух в кабинете был густым и тяжелым, пахло застывшим воском, старыми книгами и звездной пылью. Морвенна стояла у огромного окна, вглядываясь в ночь, но не видя ее. Ее пальцы, длинные и бледные, сжимали подлокотник кресла с такой силой, что дерево тихо поскрипывало.

Она чувствовала это. Даже сквозь стены, сквозь защитные чары. Тусклый, прерывистый трепет боли. Ее боли. Ее лучшей ученицы.

Дверь в кабинет отворилась без стука. На пороге стоял он. Лорд Солэрус, Верховный Инквизитор. Его белые мантии казались кощунственно чистыми в этой ночи, пропитанной страданием. Он пах озоном и холодным железом.

– Морвенна, – его голос был ровным, без единой нотки раскаяния или сомнения. – Ты звала.

Она не повернулась. Не могла. Боялась, что если увидит его лицо, ее контроль лопнет.

– Ты провел сегодня допрос с применением мер к одной из моих подопечных, – это не был вопрос. Ее голос прозвучал низко и глухо, как отдаленный раскат грома перед бурей.

– Я исполнил свой долг, – ответил он, делая шаг вперед. – Угроза была нейтрализована. Ее сила подавлена. Сознание… очищено от скверны.

Слово «очищено» повисло в воздухе, словно ядовитый газ. Морвенна медленно обернулась. Ее лицо было маской изо льда, но глаза… ее глаза горели зеленым пламенем древней ярости.

– Ты пытал мою ученицу, Солэрус, – прошипела она. Казалось, воздух в комнате потемнел, а тени зашевелились, тянусь к его белым одеждам. – Лучшую из тех, что у меня были.

– Я пытал ИСТОЧНИК СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ, Морвенна! – его голос впервые сорвался, в нем прозвучала та самая фанатичная убежденность, что делала его таким опасным. – Ты что, ослепла? После Алмазного Моста, после того, что она сделала с големом… мы все видели ее мощь! А теперь этот инцидент с девочкой! Она не исцелила ее, она ИСКАЗИЛА! Наложила на ребенка печать своей тьмы!

– Она спасла ребенку ЖИЗНЬ! – Морвенна ударила кулаком по столу, и по дубовому массиву поползла сеть трещин. – Та девочка умирала. Никто из твоих светлых целителей не смог помочь. А Илэйн смогла. Ценой своего покоя, своей репутации. И что она получила в награду? Крик «Демон!» и твой клинок в плечо!

– Она изменила саму природу ребенка! – не сдавался он. – Жизнь, купленная такой ценой, не имеет смысла! Иногда смерть предпочтительнее скверны!

Повисла тишина. Ледяная, смертоносная. Морвенна выпрямилась, и ее фигура словно выросла, заполнив собой весь кабинет.

– Выйди, Солэрус, – ее голос снова стал тихим, но от этого он звучал лишь опаснее. – И запомни. Ты перешел черту, которую нельзя было переходить. Ты тронул мое.

Он фыркнул, но в его глазах мелькнула тень… осторожности.

– Угрозы, Морвенна? Тебя это не красит. Она всего лишь одна из многих твоих учениц.

– Ошибаешься, – она медленно подошла к нему так близко, что могла чувствовать его ледяное дыхание. – Она – та, в кого я вложила больше всего. Та, чья сила когда-нибудь могла

бы затмить мою собственную. И ты… ты своим фанатизмом обрек ее на бегство. Ты сломал мой самый совершенный инструмент. Мой шедевр.

Она посмотрела ему прямо в глаза, и он на секунду увидел в ее зрачках не женщину, а нечто древнее и безжалостное.

– С этого дня, – прошептала она, – твоя вера станет твоей клеткой. Каждый твой шаг будет отбрасывать тень, и в каждой этой тени будешь видеть меня. Я не буду спешить. Я буду ждать. И когда ты будешь чувствовать себя в полной безопасности… я возьму у тебя все, что для тебя дорого. Начиная с твоей безупречной репутации.

Она отступила на шаг, и чары в комнате ослабли.

– А теперь… исчезни. И молись, чтобы у нее не осталось шрамов. Ибо каждый шрам на ее коже… я выжгу на твоей душе.

Солэрус простоял еще мгновение, его лицо было бледным, но непроницаемым. Затем он развернулся и вышел, не сказав ни слова.

Дверь закрылась. Морвенна снова осталась одна. Она подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу.

– Беги, девочка моя, – прошептала она в ночь, и ее голос дрогнул. – Беги, прячься и живи. Накапливай силу. Потому что я сделаю так, что ему больше никогда не будет дела до тебя. Я займу его войной. Войной со мной.

Глава 5: Неугодный алмаз

Когда-то давно, во время обучения Илэйн. Личные покои Верховной. Комната с книгами, живым огнем в камине и видом на сад

Верховная Морвенна. Сохраняла величественность и темные волосы, но в ее чертах – усталость и следы былой страсти, которую она научилась сдерживать.

Верховная Морвенна стояла у камина, ее профиль освещался живым огнем. В отличие от стерильного кабинета, здесь пахло дымом, старым пергаментом и сушеными травами – запах, до боли знакомый и чуждый одновременно.

– Твоя бабушка, – начала она, не глядя на меня, – была сильнейшей целительницей, какую я знала. Она могла говорить с землей и ублажать духов леса. Но мир за пределами ее чащи… он не прощает такой простой веры.

Она повернулась. В ее темных глазах не было льда, в них горел огонь – угасший, но когда-то очень яркий.

– Твоя мать унаследовала ее силу. И мое упрямство. Она считала, что ее крови и инстинктов достаточно, чтобы диктовать свою волю миру. Она была права. До поры. Пока мир не ответил ей тем же. – Голос Морвенны дрогнул, впервые за всю нашу беседу. – Я не смогла ее уберечь.

Я застыла, не в силах вымолвить слово. Она говорила не как наставник с учеником, а как… родственник. Трагичный и виноватый.

– Я вижу в тебе их обеих, – она сделала шаг ко мне. – Силу твоей бабушки. И ее доброту. И огонь твоей матери. Ее гордыню. – Она остановилась передо мной. – Эта смесь… она либо создаст тебя, либо убьет. Я не позволю случиться последнему. Не из желания контролировать. А потому что больше не переживу еще одной потери.

– Вы… вы не можете просто запереть меня здесь! – вырвалось у меня, но уже без прежней злобы, с отчаянием.

– Я и не собираюсь! – в ее голосе впервые прозвучала страсть, настоящая, не сдержанная. – Я пытаюсь дать тебе инструменты! Не для того, чтобы ты стала «как все», а для того, чтобы ты могла защитить то, что тебе дорого! Чтобы, когда ты вернешься в свой лес, ты могла постоять за них не только грубой силой, но и умом! Чтобы тебя не сломали, как сломали ее!

Она смотрела на меня, и в ее глазах была не просто воля Верховной. Там была боль женщины, потерявшей дочь, и отчаянная надежда не потерять внучку.

– Я не хочу, чтобы ты забыла свою бабушку. Боги, нет. Ее знания – это твое наследие. Но одно лишь наследие не спасет тебя от клинка в спине или от яда в кубке. Я хочу, чтобы ты была сильнее. Сильнее ее. Сильнее своей матери. Сильнее даже меня. Но для этого ты должна научиться жить в этом мире, а не только в своем.

Я смотрела на нее и вдруг с невероятной ясностью поняла. Она не враг. Она – скала, о которую разбились ее мать и бабушка. И она предлагает мне не клетку, а якорь. Жестокий, неудобный, но способный удержать на плаву в бурю.

– Я… я не знаю, смогу ли я быть такой, как вы хотите, – тихо сказала я.

На ее усталых губах дрогнула тень улыбки.

– Я и не хочу, чтобы ты была такой, как я. Я хочу, чтобы ты была жива. Все остальное – детали.

Я вышла из ее покоев. За спиной не захлопнулась дверь клетки. Передо мной открылся опасный, сложный путь. И впервые у меня появился проводник, который, возможно, вел меня не туда, куда я хотела, но искренне желал мне не сгинуть в пути.

Глава 6: Город, который забывает

Шрам на лопатке ныл ровно так же, как и в первую ночь после того клинка. Но теперь к физической боли прибавилось что-то новое – ощущение клетки. Казалось, стены Магистериума, эти древние, пропитанные магией камни, смыкаются вокруг меня. Взгляды учеников, полные страха и любопытства. Шепоты за спиной: «Это та самая, ее сам Верховный Инквизитор…»

Морвенна отгородила меня от Солэруса ледяной стеной своей ярости. А в личных покоях пыталась дать мне новые стены – крепкие и надежные. Но любая стена, даже с лучшими намерениями, все равно остается стеной.

Осталось одно ясное, простое желание – исчезнуть. Не от боли, не от страха даже, а от этой удушающей роли. От необходимости быть то грозной Морриган, то несчастной жертвой, то многообещающим алмазом в оправе чужих амбиций.

Я должна была перестать быть мишенью. А для этого нужно было перестать быть заметной. Стереть себя с карты их мира.

Я скиталась без цели, пока не наткнулась на Эфирную Заводь.

Город лежал в чаше древней долины, и воздух над ним переливался, как дрожащее марево над раскаленным камнем. Это и был эфир – не магия в привычном смысле, а ее плотный, вечный отголосок, пропитавший землю, воду и сам воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.